

Джордж Бейкер

ВЛАДЫКИ МИРА

АВГУСТ

Первый
император Рима

Джордж Бейкер

Август. Первый император Рима

«Центрполиграф»

Бейкер Д.

Август. Первый император Рима / Д. Бейкер —
«Центрполиграф»,

Джордж Бейкер предлагает увлекательную и наиболее полную из существующих биографий Гая Октавия, усыновленного Цезарем и поэтому получившего имя Гай Юлий Цезарь Октавиан Август, ставшего первым императором Рима, по возможности избегая предвзятых оценок и непроверенных мнений. Бейкер использует не только свидетельства великих историков древности, но и достижения современной научной мысли. В книге воссозданы реалии политики, экономики и быта Древнего Рима.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Мартовские иды. Аполлония. Рождение Октавия. Предки	7
Современный мир. Новый век. Цезарь	9
Гражданские войны. Помпей Великий. Покорение Галлии.	10
Очарование Юлия. Признание Октавия. Образование Октавия	
Его принципы. Хрупкость. Физическая изнеженность. Главные достоинства	13
Планы на будущее. Гороскоп Октавия	15
Глава 2	16
Убийство Цезаря. Цезарь остается господином. Замешательство в Риме. Политика заговорщиков	16
Марк Антоний. Наследие Цезаря. Документы Цезаря	18
16 марта 44 г. до н. э. Общественное мнение. Долабелла.	20
Посольство нейтралов	
Сенат. Нерешительность сената. Деяния Цезаря. Позиция популяров. Ужесточение мнений. Одобрение действий Цезаря	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Джордж Бейкер

Август. Первый император Рима

*Hie vir, hie est, tibi quem promitti saepius audis
Augustus Caesar, Divi genus, aurea condet
Saecula qui rursus Latio regnata per Arva
Saturno quondam; super et Garamantas et Indos
Proferet imperium.*

Энеида. VI, 791-795

*Вот он, тот муж, о котором тебе возвещали так
часто:
Август Цезарь, отцом божественным вскормленный,
снова
Век вернет золотой на латинские пашины, где древле
Сам Сатурн был царем, и пределы державы
продвинет,
Индов край покорив и страну гарамантов...*

(Пер. С. Ошерова)

Предисловие

Август и его деяния занимают совершенно особое место в истории. О масштабе его личности можно судить по многим показателям. Даже судя по оставшимся изображениям, он был личностью неординарной. Любой художник не отказался бы от возможности исследовать его лицо, его индивидуальность, особенности его характера, все, что составляет и величие, и трагедию его жизни, а также связанные с ними рассказы и предания. Трудность в описании его характера как раз в том и состоит, что в отличие, скажем, от короля Артура, личность которого как бы скрыта в мягкой полутени истории, где наши поэты могут дать простор своей фантазии, Август жил в эпоху великой и грубой, громкоголосой цивилизации, и описать его столь же трудно, как описать не передаваемый словами блеск солнца. В поэзии мы, как правило, имеем дело лишь с приблизительным наброском, но если о чем-то знаем достаточно много, то прибегаем к прозе, — а об Августе мы кое-что знаем... Но и это еще не все. Август был непосредственным участником значительных событий, которые превратили Рим из маленького, расположенного на Тибре италийского города в могущественную державу. Императоры и понтифики — на всех на них падает отсвет личности Августа. Он стоит там, первый в ряду, глава, вождь, питающий родник и источник, великий зачинатель, ключ к будущему величию Константина и Иннокентия III. С любой точки зрения мы начинаем наше исследование Рима с изучения личности Августа и заканчиваем им же... Юлий Цезарь, возможно, исчез бы со страниц истории, если бы его внучатый племянник не продолжил начатое им и не преуспел в этом... Август вошел в Евангелия, будто всегда там было его место. Даже рождение Христа, связанное с историей нового мира, произошло во время переписи Цезаря Августа, поэтому постоянные дворы и были переполнены и Христос родился в яслях; в христианской церкви существует мнение, что, если рождение Христа произошло именно при таком стечении обстоятельств, значит, именно в правление Августа для этого настал подходящий момент. Некий дух упорядоченности, согласия и единения правил миром в то время. Нечто божественное, отличное оттого, что было до сих пор, снизошло на человечество в дни правления Августа, и это была концепция мира и примирения, которую мы видим в изложении Горация и Вергилия, так же как и в Новом

Завете. Сами христиане видели некую общую почву для согласия в августинцах – от испанских иезуитов, которые так хорошо издали Вергилия, до английского квакера, который преданно почитал Горация и позже основал философию, соотносящуюся с его взглядами... Август, следовательно, господствует в светской истории, как никто другой... Он был «зеркалом, в котором отражалось лицо мира».

Август воспринял от предшественников и развил политическую философию столь высокого качества, что в наше время она, видимо, смутила бы обычного человека. Она не превозносит мудрость обычного человека и не обращается к его гению. Она просто уважает его без всякой экзальтации. Она основана на тезисе – устрашающе верном тезисе: если вы дадите простому человеку то, что он хочет, он предоставит вам возможность заниматься остальным человечеством. Это тот урок, который предстоит перенять и правым и левым в наши дни. Дайте младенцу его бутылочку – и вы можете спокойно заниматься своими делами. Ни левые, ни правые не желают слушать об этом.

Но правда в том, что благотворительное и эффективное управление миром осуществляется – и так было всегда – лишь очень немногими людьми, а в большинстве столетий человечество лишь предполагает, что так должно быть. Идеал политики – это отсутствие всякой политики. Создать мир, в котором не слышно споров, люди умиротворены и трудятся спокойно и счастливо, – такова великая цель правительства; и, соответственно, это должен быть мир, в котором нет всеобщих выборов или национальных соглашений и никто не задумывается о таких вещах, никого не убеждают в том, что он обязан делать. Напротив, человек превращается в животное, одержимое политикой, когда он отчаянно несчастлив и его терзают неопределенные желания. Накорми озлобленного, дай ему стабильность, дай ему мир и согласие – и уродливая драма политики рассеется, как утренний туман, обнажив счастливый мир созидания... И этому тоже следует учиться у Августа.

Он создал мир, длившийся двести пятьдесят лет, который продолжался до тех пор, пока в него не ворвалась незапланированная и нежелательная война, – и это время осталось в памяти человечества как мечта о золотом веке. С идеальной точки зрения этот период не был лишен недостатков; но тогда лишь немногих заботили представления об идеале, поскольку существовало настоящее, и впоследствии суровые, эгоистичные, сосредоточенные на себе люди во всем мире, так же как и святые, и мудрецы, глубоко сожалели и долго печалились об исчезновении того мира, который столь малое время оставался совершенным. Самое имя Рим было для них магическим.

Его секрет – насколько это было в силах автора – описан в этой книге. Возможно, она заслуживает некоторого внимания политиков, чьи труды столь неблагодарно оцениваются их собственными гражданами, и того, чтобы они обратили свой взгляд на карьеру того, чьи деяния с таким постоянством вызывали всеобщее восхищение. Они, может, и не придут в восторг, но пусть почитают.

Дж. П. Б.

Элмер, Сассекс

Глава 1

Наследник Гая Юлия Цезаря

Мартовские иды. Аполлония. Рождение Октавия. Предки

*«Вот и настали мартовские иды!» —
произнес Цезарь.
Предсказатель Спуринна отвечал:
«Да, но еще не прошли».*

Было утро 15 марта 44 г. до н. э. Через несколько дней усталый запыленный курьер после бешеной скачки по большой белой дороге из Рима, через Беневент, Ветузию и Тарент в Брундизий, погрузившись на судно в предгрозовом Адриатическом море, сошел на берег в портовом городе Аполлония, что находится на скалистом побережье Македонии, и вручил послание молодому Гаю Октавию, который, будучи в Аполлонии, пытался заниматься изучением философии в соответствии с намеченной для него программой. Время было беспокойным, полным событий, которые римляне воспринимали как предвестники надвигающихся несчастий. Солнце было затянуто облаками, мощные и страшные взрывы сотрясали огромный вулкан Этна, а ее скрытый внутри огонь вспыхивал и вырывался наружу; Эридан (река, которую теперь мы зовем По) вышел из берегов и смыл загон для скота, унеся вместе с ним и сам скот; случилось землетрясение в Альпах, а предсказания по внутренностям жертвенных животных были противоречивы и неясны...¹ Легко вообразить сцену, в которой предстал этот молодой человек, принимая письмо и взглянув на курьера. Гай Октавий никогда не стал бы Цезарем Августом, не будь он человеком, который остро чуял беду. Может, еще не распечатав послание, он уже догадался, что в нем скрывается.

Он был среднего роста, с рыжеватыми волосами, худощав и настолько изящен чертами и фигурой, что порой казался женственным. И тем не менее ему были присущи твердость и ясность. Он воздействовал на людей так, как порой воздействует бриллиант, который представляется очень хрупким в бархатной коробочке, хотя известно, что нет на свете вещества тверже. Гай Октавий обладал такой же хрупкостью, таким же блеском и такой же твердостью.

В то время ему было восемнадцать с половиной лет, он родился (как говорит Светоний) на рассвете 23 сентября в тот год, когда консулом был Цицерон, когда случился заговор Катилины и когда Помпей Великий захватил Иерусалим и стоял с войском в Святой Святы, то есть в том году, который мы теперь называем 63-м до н. э. Во всех отношениях этот год был необычным, но лишь гораздо позже пришлось признать, что он отмечен еще и фактом рождения ребенка в браке Гая Октавия и Атии, племянницы Цезаря. Спустя годы будут рассказывать предания об оменах, продигиях, знамениях и чудесных провозвестниках, сопровождавших его появление на свет; но мы можем предположить, что в то время его будущая слава чрезвычайно удивила бы его ничего не подозревавших и заботливых близких, впрочем, как и любезных, но равнодушных к факту рождения соседей. Его отец Гай Октавий был зажиточным гражданином Велитр, одного из самых древних и знаменитых латинских городов, который некогда соперничал с самим Римом, а теперь превратился в тихий провинциальный город. Семья никогда не была очень знаменитой. Дед мальчика довольствовался местными почетными должностями в родном городе, где он прожил до старости уважаемым, но не особо отличившимся горожа-

¹ Знамения и знаки, сопровождавшие убийство Юлия Цезаря, были не просто плодом народных суеверий; их современник Вергилий перечисляет их в «Георгиках», 1, 461—497.

нином. Отец, однако, был более честолюбив, в свое время он прошел низшие римские магистратуры, занимал должность претора и входил в избранный круг римских сенаторов. Он стал человеком, принадлежавшим к знати, и даже сам Цицерон в одной из своих речей поставил его в пример честолюбивой молодежи. Но как раз в тот момент, когда он решил испытать судьбу и выдвинул свою кандидатуру на высшую консульскую должность, что, без всякого сомнения, на практике приобщило бы его к знати, он умер, и его сын в возрасте четырех лет остался сиротой, хотя отнюдь не бедным.

Несмотря на ничем не выдающихся предков со стороны отца, со стороны матери дело обстояло несколько иначе. Атия все сделала, чтобы вырастить сына и заложить основы его будущей великой карьеры. Ее мать была сестрой Юлия Цезаря, диктатора, завоевателя Галлии и автора «Записок»; отец ее происходил из рода Арициев, связанных с семейством Помпея Великого². Есть некоторая неясность относительно места рождения Августа. Сенат принял официальное постановление о том, что он родился на Палатинском холме в Риме (Светоний, «Божественный Август», V), в то время как небольшая комнатка в Велитрах в загородном доме деда считалась его детской и также местом его рождения. Она почиталась священной, куда нельзя было входить без предварительного очищения. Однажды какой-то человек решился там переночевать, и на следующий день его нашли полуживым, выброшенным на улицу какой-то неведомой силой, — он лежал у дверей дома, завернутый в простыни.

Подытоживая, можно утверждать, что маленький Октавий происходил из ничем не примечательной семьи, но из зажиточной социальной среды, и его связь с большим миром осуществлялась через его двоюродного дядю, знаменитого Гая Юлия Цезаря. Это как если бы он родился простым буржуа, но был родственником Бонапарта.

² Светоний, кажется, ошибается, полагая, что Марк Атий Бальб был особенно знаменитым предком. Атилиус Бальб, консул в 245 и 235 гг. до н. э., видимо, не был его предком. Антоний (см.: Светоний, «Божественный Август», IV, 2) слышал, будто Бальб был сыном парфюмера и булочницы в Ариции. Это, разумеется, история особого свойства, и она могла оказаться правдой.

Современный мир. Новый век. Цезарь

Мир, в котором родился Октавий, не был обделен сенсационными новостями и великими деяниями. Он был ребенком, когда Помпей Великий окончательно завоевал Азию, дошел до далеких Кавказских гор на границе Каспийского моря, передвинув границы Рима к границам парфян. Когда мальчик стал подростком, его дядя Юлий строил переправу через Рейн, вел морской бой в Ла-Манше и вторгся в Британию. Это был век, когда необычные люди совершали необычные поступки. Когда договоренности между государствами были слабыми и несовершенными, великие личности появлялись повсюду, справляя триумфы, соревнуясь и соперничая друг с другом. И как раз в то время, когда Помпей и Цезарь совершали дела, удивлявшие мир, Цицерон создавал латинскую прозу, которая соответствовала этим удивительным и достойным восхищения поступкам. Оглядываясь назад, мы можем наблюдать закат славы Римской республики. Молодой Гай Октавий, глядя вперед, мог видеть в нем блестящий восход нового, более героического века великих людей и мыслителей. Где и когда существовал мир столь единый, столь основательный и подчиненный закону, с таким управлением, которое служило благу всего человечества? Нигде и никогда!

Такие мечты и возвышенные суждения, возможно, пробудились в юноше при непосредственном контакте с Цезарем, его внучатым дядей, сердечным, дружелюбным, разговорчивым человеком, способным направить в нужное русло мысли и впечатления мальчика. Молодой Октавий непосредственно от Цезаря слышал рассказы, о которых мы читаем в книгах; он получил и прочел самую первую версию «Записок о галльской войне», которые сейчас известны каждому. Юлий никогда не был скрытным и молчаливым собеседником. Осторожный в выборе аудитории, умеющий донести свои мысли до тех, кто его слушает, он всегда охотно рассказывал и стремился убедить других в своей правоте. Можно не сомневаться, что, посещая свою племянницу Атию и ее мужа, он подробно рассказывал о том, что видел и совершил; защищал свою точку зрения и объяснял свои действия, критиковал действия других и во время застолий рассказывал такие истории, за которые современный историк заплатил бы какую угодно цену.³

Из последующих событий ясно, что мальчик проявлял необычный интерес к этим беседам и что дядя этот интерес и пылкий его ум направлял и поддерживал; ведь по прошествии времени Гай Юлий, уже приобретший невероятную власть, которой были отмечены его последние годы жизни, все больше внимания уделял юноше как возможному своему преемнику и наследнику, который понесет дальше зажженный им факел и использует власть, которой он обладает.

³ Юлий отправился из Рима в Галлию весной 58 г. до н. э., когда маленькому Октавию было четыре с половиной года. Он не вернулся в Рим и не видел племянника до 49 г. до н. э., пока мальчику не исполнилось четырнадцать. Их тесная связь началась в том же году, а сотрудничество особенно плодотворным было в 45 г. до н. э., когда восемнадцатилетний Октавий находился вместе с Юлием в Испании.

Гражданские войны. Помпей Великий. Покорение Галлии. Очарование Юлия. Признание Октавия. Образование Октавия

Если и были ошибочные мысли и неточности в представлениях мальчика относительно этого величественного рассвета мира, именно Юлий мог указать на них. Он вспоминал самое начало событий; гражданские войны Мария и Суллы, возвращение Суллы из восточного похода, его итальянские кампании и его диктаторство. Юлий, который был племянником Мария, пережил великие проскрипции; он лицом к лицу видел Суллу и сумел бросить вызов этому Меттерниху античности. Юлий, несмотря на ярые преследования, сохранил верность популярам – партии Мария и Гая Гракхов, которая настаивала на верховенстве народного собрания над олигархическим сенатом. Его неустанный труд и способность к интригам помогли возродить популяров, придать им новое направление и возродить прежние идеалы, а также организовать их так, чтобы они почувствовали свою силу. Юлий был не из тех, кто готов переносить страдания ради эфемерной иллюзии счастья и красоты мира, в котором он жил. Никто лучше его не знал об ужасах гражданской войны, которая разгорелась между партиями Суллы и Мария, о распространившейся по всей стране анархии и раздорах, которые омрачали историю тех дней; он знал о злоупотреблениях, из-за которых страдали провинции, и, уж конечно, он слышал собственными ушами подробности, которые всплыли во время суда над правителем Сицилии Верресом, тогда обвинителем выступал Цицерон. Он лучше других был знаком с коалициями, которые помогли сначала Помпею, а затем и ему получить исключительную личную власть для проведения тех грандиозных завоевательных мероприятий и новых начинаний, которые не мог, а порой и не желал осуществить сенат. Это он, Юлий, оставался в центре политической борьбы на родине, в то время как Помпей начал расчищать руины на Востоке, оставшиеся после полувекового правления олигархов. Помпей с его специально обученными отрядами освободил море от пиратов, сверг понтийского царя Митридата, укротил армянского царя Тиграна, реорганизовал Восток и обратил этот хаос непримиримых сил и неуправляемой активности в мирную, хотя и тяжелобольную после перенесенных бедствий провинцию; во всяком случае, начался процесс выздоровления. Именно Юлий своими политическими маневрами вынудил сенат признать законными действия Помпея. О том, что Помпей сделал не все, что нужно было, знали все. Угроза со стороны парфян дальше на востоке все еще препятствовала мирному сообщению с Азией. Когда известный богач Марк Кресе попытался усмирить эти земли, ужасный разгром в Каррах подорвал римский престиж и свел на нет предыдущие усилия. Египет также оставался самостоятельным и независимым от Рима, управляемым потомками Птолемея Лага, полководца Александра Великого; он препятствовал мирным договоренностям на Востоке своими амбициями, неимоверным богатством и крайней неэффективностью безнадежно коррумпированного управления. Давно уже следовало подчинить и его, если бы в самом Риме не процветали соперничество и подозрительность. Египет был слишком жирным куском, чтобы быть поставленным под контроль одного человека. Египет продолжал представлять собой потенциальную опасность для остального мира, пока его ресурсы не перейдут в руки правителя, которому можно доверить эффективное правление... Все эти проблемы и неурядицы, как и многие другие, подтачивали жизнь богатого Востока и требовали разрешения. Помогая Помпею в его действиях на Востоке, Юлий не забывал и о собственном интересе, и Помпей отплатил ему за помощь, поспособствовав, чтобы Юлий получил командование в Галлии, таким образом дав ему возможность начать ее завоевание; отнести границы Рима к Рейну; навсегда покончить с угрозой галльского нашествия, которая веками нависала над Италией, и обратить самих галлов в мирных и оседлых, более заинтересованных

в своем процветании, чем в захвате соседей. Смерть Красса в Каррах разрушила триумvirат, который способен был осуществить эти гигантские задачи, а после этого Цицерон ухватился за Помпея и перетянул его на сторону сената. Однако к тому времени Юлий был слишком силен, чтобы кому-то подчиниться. Затем разразился политический кризис – возникли разногласия между сенатом и Помпеем, с одной стороны, и народным собранием и Цезарем – с другой. Намереваясь уничтожить человека, которого он боялся больше всего, сенат развязал новую гражданскую войну. В сражении при Фарсале Цезарь разбил войско Помпея, сбросил сенатскую олигархию и стал самым могущественным человеком в римском мире. Это было четыре года назад, когда Гаю Октавию исполнилось четырнадцать лет.

Такого человека навещал Октавий в его штаб-квартирах, где стояли непобедимые легионы галльской кампании; такого человека принимали они в семье во время его посещений племянницы и ее мужа!⁴

Юлий всегда был приятен в общении, будь это богач или бедняк, не важно; он всегда стремился привлечь человека на свою сторону, дабы приобрести лишний голос или завоевать преданность новобранца. Он всегда готов был очаровывать, и он должен был очаровать своего внучатого племянника. Что за анекдоты и случаи из жизни он рассказывал! Что за истории о киликийских пиратах, испанских племенах, бородатых галлах и грязных бриттах! Какие истории – например, когда в Александрии развернули перед ним ковер, в нем оказалась розовая и улыбающаяся ему Клеопатра!.. Как он скрывался от противников – когда, например, нырнул в залив в Александрии и вода вокруг вскипела от посланных вслед стрел, он вынужден был плыть под водой, чтобы спастись!.. Однако притяжение было взаимным. Юлий не про-

⁴ Атия снова вышла замуж, и ее второй муж (который оказался хорошим отчимом для пасынка) был гораздо более значительной личностью, чем Гай Октавий. Это был Луций Марций Филипп, который происходил из сенаторского сословия, его отец, дед, прадед и прапрадед были консулами и фигурировали в консульских списках; сам он также дважды исполнял консульские обязанности. Разница – весьма существенная – заключалась в общественной значимости, достигнутой Юлием. В 64 г. до н. э. Юлий был политическим банкротом, и Октавий был достаточно хорош для его племянницы; в 58 г. до н. э. Юлий начал завоевание Галлии, и теперь его племянница могла претендовать на Филиппа с его длинным списком предков-консулов. Это имело значение для укрепления общественного статуса и сына Атии.

сто старался приобрести последователей, голоса или сторонников – он искал преемника. Очевидно, что внучатый племянник произвел на него впечатление. Он пригласил племянника с друзьями навестить его в Испании. Когда восемнадцатилетний парень, отплыв из Македонии на корабле, сбитом с курса бурей, слабый после кораблекрушения, сильно потрепанный, благополучно привел своих друзей, обойдя строй свирепых врагов, в лагерь дяди, Юлий был доволен! Такие вещи он ценил! В этом были видны мужественный дух и сила лидера – редкий и драгоценный дар, который он искал. Он продолжал осторожно наблюдать за юным Октавием и позаботился, чтобы тот получил образование, способное развить его наклонности. Юлий мог предоставить лучших наставников своего времени, и, разумеется, Октавий прошел хорошую школу, которая способствовала развитию его природной любознательности и усовершенствовала его интеллектуальный вкус, так что всю оставшуюся жизнь его интересовали вещи, требующие работы ума, хотя он так и не научился свободно говорить по-гречески.

Во всяком случае, естественно, он прошел школу, которая позволяет человеку ясно формулировать мысли для себя и передавать их другим. Использование понятного, простого и точного языка – одно из главных достоинств государственного деятеля; и это в его же собственных интересах, так же как и в интересах людей, его окружающих. Юлий, как известно всему миру, использовал прозаический стиль, который стал образцовым, и юный Октавий подражал ему в этой простоте. Он, правда, так никогда и не достиг такого уровня в классическом стиле, но зато обладал стилем выразительным и ясным, способным точно передать мысль. Это была проза делового человека, приспособленная для документов, переводов, писем и т. п. Тот факт, что он старался подражать Юлию в его манере письма, говорит о том, что он старался и думать как Юлий, ибо каков язык, таковы и мысли. Неумение свободно изъясняться на греческом, возможно, объясняется тем, что у него был латинский склад ума. Но он без труда читал по-гречески.⁵

⁵ Его учителями были Аполлодор Пергамский, а потом Арей и его сыновья Дионисий и Никанор. В 84-й и 88-й главах Светоний («Божественный Август», LXXXIX) подробно это описывает, а также говорит об особенностях стиля и дикции Августа.

Его принципы. Хрупкость. Физическая изнеженность. Главные достоинства

Отчасти черты характера Юлия объяснялись его высокой самооценкой. Многие люди – тогда и теперь тоже – полагают, что он поступил неосмотрительно и даже глупо, когда после избирательной кампании в разгар гражданской войны провел зиму в Египте с Клеопатрой. Многие считают – и сегодня так же, как и тогда, – что он должен был поступить более осмотрительно, более деликатно и осторожно и не столь близоруко, более трезво оценить свои возможности – короче, ему следовало сомневаться в успехе своего предприятия. Он, однако, был уверен в себе, в отличие от них. Уверенный в своем могуществе, он проводил в Египте месяц за месяцем; и в нужное время он отправился в Зелу, одержал победу, и случилось так, как он и писал: «Пришел, увидел, победил», – и это высказывание всегда останется его суждением о себе. Его поведение полностью оправдалось. Он нуждался в отдыхе, и он его себе устроил.

Юлий никогда не устанавливал для себя никаких максим, в отличие от своего племянника. Светоний («Божественный Август», XXV) приводит правила, которые для себя установил Октавий: «Спеши не торопясь», «Осторожный полководец лучше безрассудного» и «Лучше сделать поудачней, чем затеять побыстрей» (*пер. М.Л. Гаспарова*), то есть не лови рыбу золотым крючком, ибо в этом случае риск неоправдан – и рыбу не поймаешь, и потеряешь дорогой крючок. Правилom Августа было никогда не вступать в борьбу, если вероятная выгода меньше возможной потери. Все это расчетливая мудрость, и очевидно, что так поступал и Юлий. Но Юлия порой охватывал азарт игрока, и тогда он намеренно испытывал судьбу; он так и не сумел передать это качество своему племяннику.

Почему? – можем мы спросить. Видимо, это результат недостатка жизненной силы, энергии у юноши, который мы уже в нем отмечали. Римскому характеру, скорее, под стать крепкое, сильное тело, выносливость, отсюда железная воля и мрачный стоицизм, присущие римлянам. Римляне никогда не были «сговорчивы». В этом секрет их политической независимости. Их нелегко было убедить. Они всегда отличались мятежным нравом, это были люди, готовые стоять насмерть, если им что-то не нравится, – готовые пожертвовать своими жизнями, впрочем, и чужими тоже. История о правой руке Сцеволы, может быть, и легендарна, но в ней отражается истина. Если они соглашались, это было сознательное, рациональное соглашение. Юлию не была свойственна эта грубость, различные обстоятельства и его привычки показывают, что он осознавал трудности, с которыми сталкиваются люди более тонкой душевной организации. Больше всего в Октавиане ему нравилось то, что за видимой хрупкостью мальчика скрывается сильный характер.

Чтобы добиться успеха, человеку необходимы чуткость и склонность к тонкому расчету, которых нет у людей грубых. Этой деликатностью конституции и способностью схватывать на лету обладал Гай Октавий. Его биограф⁶ описал красивую, изящную внешность Октавия, яркие глаза, маленькие зубы, светлые волосы и орлиный нос; а на некоторых дошедших до нас изображениях мы видим образ человека, более обычного подверженного усталости. В преклонном возрасте у него развилась слабость левой ноги и бедра, так что временами он даже прихрамывал; и всю жизнь он был склонен к легкому недомоганию и сезонным переменам в состоянии здоровья, связанным с погодой, что показывает определенный тип нервной организации. Он нуждался зимой в утепленной одежде, чего нельзя сказать о его земляках, и он отличался повышенным вниманием к своему здоровью в мелочах, как, например, наши современные жители городов вынуждены обращаться к вегетарианству или шведской гимнастике.

⁶ Светоний. Божественный Август. 79—83. См. также отдельные подробности биографии Юлия Цезаря у Плутарха.

Такому человеку Юлий не мог передать дьявольское беспокойство, которое временами снедало его. Будущий Август никогда не позволял себе проявлять тревогу, озабоченность. В этой сдержанности, вызванной его природной конституцией, должно быть, скрывался один из источников его мощи.

Эта красота, эта хрупкость и чувствительность, это стремление к разумности и стабильности были, кажется, составными частями его сути, главная и необычайная сила которой заключалась в ясном видении вещей. Некоторые люди оглядываются, прежде чем совершить прыжок; некоторые не считают нужным оглянуться; другие просто не видят, оглядываясь; а третьи не могут сделать вывод из того, что они видят. Некоторые люди говорят и не способны слушать; другие, таких большинство, отвлекаются и перебивают; есть и такие, которые то ли по внешним причинам, то ли по свойству характера способны внимательно рассматривать что-либо и видеть предмет в целом. Но лучше других будущий Август был одарен способностью внимательно смотреть на вещи и видеть их объективно, не отвлекаясь на эмоции и предубеждения; это свойство художники называют отвлеченным зрением. Он мог видеть и мог судить о событии очень ясно, что редко удается людям его возраста или даже более опытным. Для нас, когда мы оглядываемся назад, он кажется обладателем необычного гения; но его современники, которые лишь постепенно стали смотреть на него как на человека необычного, ясно дают понять, что в нем не было ничего необычного, кроме трезвого суждения, сочетавшегося с удивительной ясностью восприятия. Он был подобен инструменту, который с необычной точностью регистрирует малейшие оттенки состояния. Подобно всякому такому инструменту, про него мало что можно добавить... Его современники считали, что проще объяснить его характер неким божественным промыслом.

Планы на будущее. Гороскоп Октавия

Невозможно предугадать, что скрывает будущее. В том 44 г. до н. э. Юлий был на вершине славы. Юный Октавий проводил время в полезных занятиях, ожидая, когда дядя придет из Рима в Македонию по пути на Восток. Они отправятся туда вместе по стопам Лукулла, Помпея и Красса, однако с более обученной и тренированной, чем у тех, армией. Затем за знаменитым покорением Галлии последует покорение Парфии, а за «Записками о галльской войне» и «Записками о гражданской войне» последуют «Записки о парфянской войне». Они пройдут по маршруту Александра Великого и, возможно, дойдут до Индии, как в свое время дошел он; и замечательные подвиги Александра превзойдут еще более замечательные деяния Юлия, который затем завоюет весь мир от Британии до Индии и приведет всех под одно правление. К тому времени, когда все будет закончено, юный Октавий будет несколькими годами старше. Он женится, без сомнения, – интересно, на ком? – и будет правой рукой своего пожилого великого дяди, пока, наконец, в положенный час эта величественная голова не откинется и эта чудесная рука не упадет, – и Октавий заступит на его место и... Поток мысли обрывался неопределенностью. Можно лишь гадать о будущих событиях.⁷

Трудность объяснения знаков свыше связана с их двойственностью. Не то чтобы мы их не получали, но мы ничего не предпринимаем, беспомощно поворачивая их так и эдак. Юный Октавий со своим другом Марком Випсанием Агриппой (который был вместе с ним в Аполлонии) забрели к астрологу Теагену. Агриппа – напористый самоуверенный юноша – заплатил деньги и назвал дату и время своего рождения. Теаген составил гороскоп – очень необычный, – а затем с восхищенным удивлением прочел ошеломляющий результат: удивительное будущее ожидало Агриппу. Затем он повернулся к застенчивому юноше, прятавшемуся за широкой спиной самоуверенного Агриппы. Не составить ли и ему гороскоп тоже? Октавий поспешно отказался, опасаясь, что слишком уж проиграет в сравнении с Агриппой. Теаген настаивал и после некоторых колебаний юноши получил необходимые данные. Закончив гороскоп, он упал на колени перед молодым человеком.

Такова, во всяком случае, легенда.

Но даже если и так, что бы это значило? Относилось ли это к удивительному будущему, которое Октавий предугадал, когда в воображении стоял по правую руку от своего дяди и, возможно, помогал ему готовиться к парфянскому походу? Или это было нечто другое? Нечто такое, чего он не мог предвидеть?

Ответ был в сообщении, доставленном ему из Рима вскоре после 15 марта 44 г. до н. э. В послании говорилось, что его двоюродный дед Гай Юлий Цезарь убит в результате покушения группы фанатиков-олигархов во главе с Брутом и Кассием и теперь лежит мертвый в Риме.

И все мечты о будущем улетучились.

⁷ Возможно, Октавий рассуждал именно так, мы, однако, не обязаны с ним соглашаться. Цицерон («Письма Аттику», XV, 4) полагал, что Юлий никогда не возвратится. Вполне вероятно, что тактические трудности, которые уже оказались непреодолимыми для такого полководца, как Красс, и даже для Марка Антония, стали бы непреодолимыми и для Цезаря; в Месопотамии он, может быть, утратил бы лавры, которые приобрел в Галлии. Бессмертная военная слава Юлия, возможно, осталась в памяти благодаря его ранней кончине, охранившей его от опасностей, исходивших от парфянских горных племен и по-парфянски одетых в кольчуги вооруженных жителей, которые сражаются на своей земле. Интересно поразмышлять о возможной реакции относительно восточного поражения Юлия. История Гая Октавия определенно была бы другой!

Глава 2

Мантия Цезаря

Убийство Цезаря. Цезарь остается господином. Замешательство в Риме. Политика заговорщиков

Шекспир уверял, что Цезарь сразу пал под ударами мечей своих врагов. Ничего подобного не было на самом деле. Ни один из великих исторических деятелей, павших от рук убийц, не сопротивлялся так яростно, борясь за свою жизнь, как Юлий. Окруженный вооруженными людьми, он боролся с ними голыми руками без всякой помощи со стороны. И упал он, только получив двадцать три ножевые раны, «с яростными криками, как дикий зверь». Он мог бы убежать, окажись рядом друзья, которые пришли бы на помощь. Однако в критический момент наблюдавших эту сцену охватила паника. Марк Антоний – сам вообще-то не трус и потомок храбрецов – бежал вместе со всеми. У Цезаря не было вооруженной охраны, она раздражала его. Его окружали лишь обычные в таких случаях помощники из высших магистратов, и все они бежали. Остались только три раба, которые, когда «все было кончено» и этот «окровавленный ком земли» остался лежать на полу сенатской курии, вошли, положили тело на носилки и (неловко, поскольку их было трое) направились к дому Цезаря... Одна его рука (так они говорят) безжизненно свешивалась вниз.

Он был владыкой мира, но, странное дело, он им и оставался. Каждый, кто услышит эту историю, будет потрясен. Враги Цезаря, бросив тело, удалились в Капитолий; его друзья сразу поставили войско под ружье; свидетели, которые бежали, все, без исключения, не имели ни собственного плана, ни воли и вряд ли знали, что делать дальше или вообще что возможно сделать в этих обстоятельствах. Те, кто (а во всех кризисах таких людей множество) лишь хотел видеть последний прыжок, не могли предусмотреть реального хода событий. Короче, неимоверный хаос и смятение воцарились в Риме.

И этот хаос был расчищен по воле мертвого человека, который больше не мог говорить, но влияние которого по-прежнему ощущали все. Намерения и направление деятельности теперь уже мертвого Цезаря, распоряжения, которые он раньше подписал, назначения, которые он сделал, планы, которые он задумал, – все это привело к своим результатам.

К вечеру некоторые сенаторы решились выглянуть из дверей своих домов, поняв, что их жизни ничто не угрожает. Среди других на Капитолии появился Цицерон. Никто не взялся руководить событиями. Цицерон советовал, чтобы преторы Брут и Кассий созвали сенат на Капитолии и издали декрет о восстановлении общественного порядка и признании законного руководства. Однако «законное руководство» должно было быть иным, и не бандой убийц. Законное руководство, избранное ранее, состояло из консулов, бывших приверженцами Цезаря. Это обстоятельство стало первым, однако фатальным ударом для партии противников Цезаря. Не будучи законным правительством, они не могли счесть себя вправе грозить пальцем, обвиняя в безнравственном поведении своих оппонентов. Они решили, что самым правильным будет переговорить с оставшимся в живых консулом Марком Антонием и узнать, нельзя ли заключить с ним мирное соглашение.

Цицерон впоследствии утверждал, что он выступал против и сказал, что они делают серьезную ошибку. Может быть, и так; этот человек, казнивший заговорщиков Каталины без суда, вполне мог отбросить в сторону древние формы римского правления и силой узурпировать власть, его партии не принадлежавшую по конституционному праву; возможно, такое поведение, хотя и крайне циничное, могло быть самым эффективным на практике. Однако он

обращался к людям, основное разногласие которых с Цезарем состояло в том, что тот нарушил букву римского права, и теперь они отказались нарушать закон. Эта логика фатальным образом связала им руки и окончательно их уничтожила, показав, как мало смысла в букве закона, если не соблюдается его дух.

Брут и Кассий выбрали неплохую линию поведения. Во-первых, тогда было не столь ясно, как это понятно нам теперь, окажется ли Марк Антоний таким уж убежденным сторонником Цезаря. С самого начала этого дела все в Риме знали, что Цезарь не переносил глупостей своего товарища и не единожды его одергивал. Эту затаенную вражду между ними заговорщики учитывали, спасая жизнь Антонию. Они полагали, что договорятся с человеком, не слишком дружески настроенным к Цезарю, который может им пригодиться. Кроме того, разве не сторонники Цезаря Антоний и Лепид, кроме законной власти, имели в своем распоряжении целый легион?.. А еще Долабелла, который должен был заменить Цезаря на посту консула во время его предстоящего парфянского похода и который теперь был его преемником, выказал к ним дружеское расположение... И наконец, но не в последнюю очередь, они хотели, чтобы в сенате и сенатом, членами которого они состояли и где имели подавляющее большинство, были восстановлены все заседания. Они не хотели, чтобы Антоний вынес заседание в народное собрание, где цезарианцы были в большинстве. Отсюда объяснение и последующего поведения, которое избрали Брут и Кассий.

Таким образом, Цицерон не участвовал в последовавших переговорах.

Антоний был человеком импульсивным, который сначала делал, а потом думал. В страшный момент убийства Цезаря он обратился в бегство и укрылся в каком-то доме, откуда потом тайком перебрался в свой дом. Здесь он закрылся и приготовился отражать нападение. Лишь постепенно до него стало доходить действительное положение дел, и он обнаружил, что все объята паникой. Осознав это обстоятельство, он вышел из своего убежища.

Марк Антоний. Наследие Цезаря. Документы Цезаря

Существовало предание, будто фамилия Марка Антония восходит к Антону, сыну Геркулеса; и, поскольку Геркулес был семитский герой, скорее связанный с миром Тира и Карфагена, чем со Спартой и Афинами, возможно, сохранялась какая-то связь между предком и Марком Антонием с его несколько странным, носатым на ассирийский лад лицом, насколько можно судить по изображениям на монетах, улыбающимся ироничной ассирийской улыбкой, чувственной и предательской. Было что-то ассирийское и в его необычайной физической силе; в его страсти к женщинам и женщин к нему; в его адекватности, царственной беззаботности, чувстве юмора; в его хвастливости и расточительности. Он не был дурным человеком. Как пишет Плутарх, он был откровенен и доверчив, нехотя признавал свои ошибки, но был способен быстро научиться их не повторять; щедрый в наградах, даже экстравагантный, готовый смеяться над шуткой и над собой, не стеснялся в выражениях, яркий во всем – человек одаренный, столь же расточительный, как какой-нибудь Синахериб или Асархаддон. И вместе с тем он был величайший ловкач. Когда чувство юмора к нему вернулось и окрепла уверенность в себе, он с любопытством стал наблюдать за шайкой любителей-убийц в Капитолии. Они заставили его бежать – единственный раз, – теперь настало время изменить ситуацию, а он, Марк Антоний, с удовольствием за этим понаблюдает.

Убийство Цезаря произошло настолько неожиданно, что никто не был готов к дальнейшему. Ни один человек в Риме не имел полных прав наследования диктатору. Его преемник Гай Октавий находился в Македонии. Если бы существовало законное правительство, оно, несомненно, поставило бы на его место самого Антония. Он прекрасно это понимал, и еще он понимал, что человек, завладевший бумагами Цезаря, станет хозяином ситуации... С наступлением ночи в Риме не стало спокойнее. Консул приказал пикетировать улицы, разжечь сторожевые костры на перекрестках. Пока посланцы оптиматов спускались с Капитолия собирать голоса сенаторов, чтобы одержать победу над народным собранием на следующий день, Антоний отправился в храм Опса, где хранилась казна Цезаря, и захватил ее. Храм находился в западной части Капитолийского холма рядом с Тарпейской скалой, так что он должен был пройти недалеко от заговорщиков. Партии не вступали в борьбу друг с другом. Он также прихватил бумаги Цезаря, в которых находились не только его архивы, список сделанного и потраченные суммы, но также и записки о планах на будущее, его наброски будущего законодательства, которое тот хотел довести до совершенства, его схемы и записки. Все это было переправлено в дом Антония. Если судить по его делам в течение нескольких следующих дней, Антоний принялся знакомиться с документами. Они должны были сыграть огромную роль в последовавшей затем драме.

Захватив эти документы, Антоний получил главную стратегическую позицию во всей дальнейшей борьбе. Он теперь был обладателем планов и механизмов правления Цезаря, знал его цели. Видимо, в этот момент он понял, что вся власть, которой обладал Цезарь, упала к нему в руки. Ничто не мешало ему заступить на место Цезаря, если только действовать умно и осторожно.

Тем временем Лепид, который стоял на одном из островов Тибра с легионом отслуживших срок ветеранов, переправил своих людей через реку в более просторные квартиры в Кампус-Марциус, который находился под Капитолием за пределами городских стен, а Форум располагался внизу, только в пределах города. Лепид не хотел действовать без поддержки Антония, которого уважал как консула и полководца Цезаря. Однако его люди были уже на пути в Испанию, где должны были получить землю, обещанную диктатором, когда внезапно узнали об убийстве Цезаря. Они могли серьезно повлиять на настроения в обществе; теперь

обещанная раздача земли оказалась под вопросом (чего они опасались), а они очень мало доверяли Бруту и его друзьям.

16 марта 44 г. до н. э. Общественное мнение. Долабелла. Посольство нейтралов

И вновь настал день – день после смерти Цезаря, и стало ясно, что по-прежнему встает и садится солнце, дует ветер и течет вода, хотя уже без Цезаря. Этот день – 16 марта – прошел в переговорах, поскольку никто не представлял приблизительных сил обеих партий, необходимо было собраться и выяснить, как обстоят дела. Еще до конца дня Марк Антоний осмыслил главные события и теперь знал, как поступить.

Заговорщики были уверены, что имеют преимущество в сенате. Они собирались одержать победу в народном собрании, если удастся. Ночью они попытались заручиться голосами избирателей, на которых могли надеяться и которые задали бы тон всему собранию. Деньги переходили из рук в руки. Дилемма Брута и Кассия заключалась в том, что они ждали от этих подкупленных членов народного собрания, чтобы те направили события в правильное русло и провели его, как в давние времена, и речи их были убедительными и разумными. Подкупленные, в свою очередь, знали об истинном общественном мнении, и, когда началось собрание на Форуме, они слишком осторожно стали выкликать имена убийц Цезаря или просто выкрикивать враждебные ему лозунги. Короче, они примкнули к тем, кто кричал о всеобщем примирении, в том числе и о прощении убийц. К несчастью, претор Луций Корнелий Цинна выбрал очень неудачный момент, чтобы достаточно бесцеремонно прервать выступления участников. Публично стянув с себя официальное платье, как позорное одеяние, надетое на него тираном, он обличал Цезаря и все его деяния и прославлял великолепные дела тираноубийц. Их следует, полагал он, наградить, как благодетельствовавших общество... В этом месте его речи неподкупленная часть собрания взбунтовалась.

Но вот Луций Корнелий Долабелла был выведен на помост организаторами митинга. Долабелла был тем молодым человеком, которого Цезарь назначил замещать консульскую должность после того, как он, Юлий, отправится на парфянскую войну. С устранением Цезаря молодой Долабелла автоматически становился консулом вместе с Марком Антонием, и он поспешил вырядиться в приличествующие одежды, в которых и появился на собрании. Полагая, что ему следует примкнуть к более сильной партии, Долабелла произнес речь, направленную против Цезаря, и заявил, что с самого начала находился в рядах заговорщиков, хотя, к сожалению, не смог присутствовать в решающий момент. Подкупленные радостно приветствовали его выступление, а сторонники Цезаря были озадачены, зная, что он из их партии.

Затем на трибуну взошли довольные Брут и Кассий, чтобы получить аплодисменты своих сограждан. Они изошлись в похвалах друг другу и возвращали собрание к тем далеким временам, когда их предки изгнали Тарквиния Гордого. Они говорили, что Цезарь был еще хуже Тарквиния, который был законным царем; они также потребовали возвращения всех изгнанных в дни правления Цезаря. Под гром аплодисментов своих нанятых сторонников они возвратились на Капитолий, скорее подавленные тем несомненным фактом, что, несмотря на старания подкупленных, они не смогли полностью сокрушить народное собрание.

Антоний, очевидно, также это отметил. Вечером тон обеих партий изменился. Нейтралов, которые не имели выгоды от заговора, упростили навестить Антония и Лепида не для того, чтобы оправдать убийц Цезаря – это было бы слишком опасно, – но чтобы их извинить, указать на чистоту их намерений и призвать в интересах их же города к необходимости мира и спокойствия. Они упомянули об общественном благе и благородстве прощения.

Марк Антоний в порыве вдохновения мог лгать, как дипломат; и ни от кого другого не могли послы получить обещания в такой сердечной манере. Он уверил депутацию, что ни он, ни его друзья ничего не предпримут из личных побуждений, и указал на то, что они с Лепидом верны воинской клятве защищать Цезаря и отомстить за него и что они обязаны наказать

убийц, но, продолжал он, тем не менее они не отказываются с ними встретиться на равных в сенате и посмотреть, могут ли они прийти к соглашению.

Это очень воодушевило заговорщиков. Они и подумать не могли, какой смертельный для враждебного лагеря сюрприз готовил Антоний.

Сенат. Нерешительность сената. Деяния Цезаря. Позиция популяров. Ужесточение мнений. Одобрение действий Цезаря

17 марта состоялось заседание сената. Августейшее собрание не обошлось без сюрпризов. Луций Корнелий Цинна появился в официальном одеянии, которое он столь пренебрежительно сбросил и обругал накануне. Причина такой перемены была в том, что по пути на заседание сената он встретил цезарианцаев, которые накануне слышали его речь. Заброшенный камнями, он укрылся в каком-то доме. Разгневанные сторонники Цезаря уже принесли факелы, чтобы поджечь дом, укрывший предателя, но тут появились войска Лепида и восстановили порядок, после чего сторонники Цезаря ретировались. Цинна счел за лучшее защитить себя официальной одеждой. Подкупленные и сами уже чувствовали, что дела принимают дурной оборот.

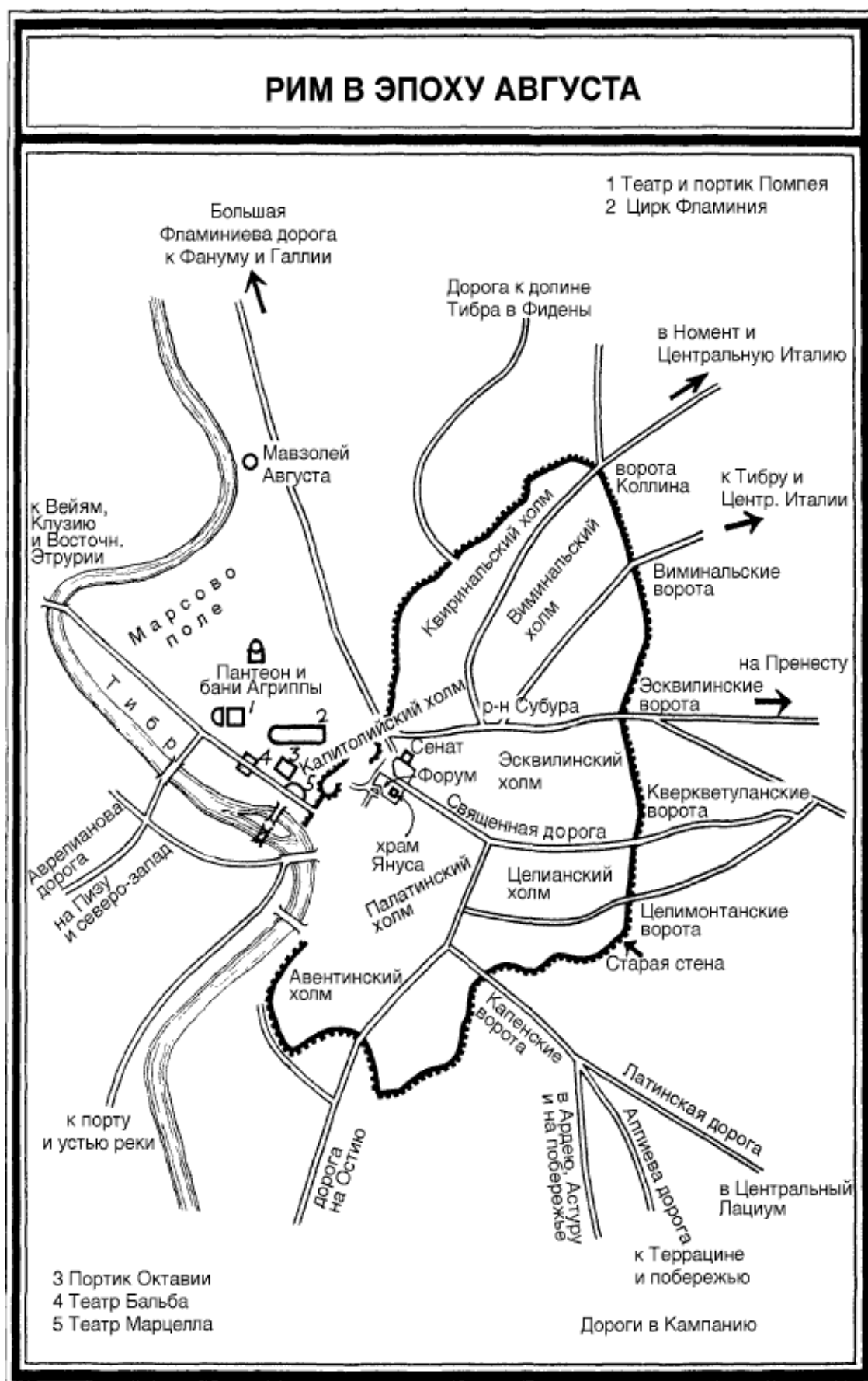
Однако в сенате заговорщики, как они и рассчитывали, имели решающее большинство симпатизировавших им сенаторов, и Цинне нечего было опасаться в этой дружественной атмосфере. Первым побуждением было пригласить сенаторов-заговорщиков занять их места, особо оговорив, что им ничто не грозит. На это предложение Марк Антоний охотно согласился. Конспираторы тем не менее по какой-то причине избегали показываться на людях. Затем, прощупав настроение в курии, некоторые сенаторы стали открыто произносить ругательства в адрес Цезаря, указывая на то, что он был тиран, а его убийцы – тираноборцы и в этом случае, как всем известно, убийство не считается преступлением. Раздавались предложения наградить убийц. Другие члены сената говорили, что, мол, заговорщики убили Цезаря не ради грязных денег и наград, но исходя из чистых и возвышенных мотивов. Некоторые предлагали публично поблагодарить убийц. Наконец, нашлись и такие, кто предлагал предать случившееся забвению.

Сенат был в полной растерянности. Там находились и люди, для которых сама мысль об убийстве была отвратительна, но они полагали, что не должны быть слишком суровы к преступившим черту, поскольку те действовали из идеальных и высоких побуждений. Далее было сказано, что сначала нужно решить, был ли Цезарь тираном, – если да, тогда оправдать убийц; если он был законно избранным гражданином, тогда его убийцы по закону преступники. Сенаторы решили голосовать по этому вопросу, но большинство согласилось, что они не замешаны в дела Цезаря, поскольку выполняли его требования под давлением. Именно в этом месте Антоний, который спокойно дожидался этого момента, поднялся с места и сделал заявление, которое стало сенсационным.

Консул сказал, что если они осудят Цезаря как тирана, то они тем самым аннулируют законность всех его деяний и назначений. Тогда встает вопрос и о законности избранного при Цезаре сената. Большинство его распоряжений еще в силе, так что они мало приобретут, отменив их, но при этом они отменят все назначения на должности, сделанные по распоряжению Цезаря. Большинство присутствующих, говорил Антоний, были назначены на ту или иную должность непосредственно Юлием или ждали своей очереди. И тем не менее, если они действительно хотят отказаться от всех прежних назначений, он как консул готов признать Цезаря тираном и узурпатором, но пусть они учтут все последствия, которые их решение за собой повлечет.

Эта речь произвела эффект разорвавшейся бомбы. С перевесом в один голос собрание высказалось против отмены назначений. У многих были на то причины. Например, Цезарь никогда не заботился о законах, ограничивавших возраст кандидата на какую-либо должность, и он сделал множество назначений, основываясь на квалификации людей без различия возраста. Сам Долабелла был одним из них, и он вдруг понял, в каком оказался положении. Теперь

он уже не хотел быть одним из заговорщиков, которым накануне себя провозгласил, и выступил против того, чтобы объявлять Цезаря тираном, и обращался к убийцам Цезаря теперь уже как к преступникам. Рьяные противники Цезаря, разумеется, настаивали на том, что такая отмена назначений ни на что не повлияет и они вновь будут должным образом избраны народным собранием, однако более опытные сенаторы сомневались, что собрание вновь одобрит некоторые назначения. Пока в сенате спорили, Антоний и Лепид покинули заседание.

Между тем на улице собралась толпа, которая стала требовать присутствия консула. При его появлении кто-то крикнул: «А что будет с тобой?» Очень медленно Антоний стал расстегивать свою тунику и обнажил под ней кольчугу. Это вызвало взрывы смеха. Раздались крики, призывавшие наказать убийц Цезаря, были и крики, взывавшие к примирению сторон, которых было довольно много.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.